

СЕРИЯ 5. НИКОЛА РАНЕНЫЙ

СЦЕНА 1. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. Начало апреля 1918-го года.

На территории Кремля ещё кое-где лежит снег. В кучи собраны обломки, камни, брёвна, доски – следы обстрела. Камера показывает изуродованные соборы, дворцы, башни. По Кремлю идут ЛЕНИН и СВЕРДЛОВ. Ленин – в пальто с барашковым воротником, в барашковой же шапке с завязанными вверху ушами. Свердлов – в кожаной куртке, фуражке, сапогах.

ЛЕНИН и председатель ВЦИК
Яков Михайлович СВЕРДЛОВ (1885–1919).

СВЕРДЛОВ. *Владимир Ильич, теперь хочу доложить о бывшем царе.*

ЛЕНИН. *Да-да, уже пора определить нашу линию.*

СВЕРДЛОВ. *В Тобольске полная неразбериха, все борются со всеми, контроль потерян. Этим может воспользоваться кто угодно: монархисты, немцы, англичане, разные максималисты.*

ЛЕНИН. *А потом всё свалят на нас, на большевицкое руководство.*

СВЕРДЛОВ. *Конечно, конечно. Поэтому совершенно необходимо срочно перевезти заключённых в другое место. Лучшие всего – в Екатеринбург: там надёжные товарищи.*

ЛЕНИН. *В Екатеринбург? Хорошо. Тогда следует рассмотреть линии дальнейших действий. Первая: впоследствии доставить этого коронованного разбойника в Москву на показательный суд. Вторая: в случае невозможности и опасности захвата врагами – расстрелять в Екатеринбурге, якобы по воле местных властей. А те потом пусть пришлют строго официальную телеграмму с разъяснением: мы поступили так и так под влиянием угрозы наступления контрреволюционных сил и опасности белогвардейских заговоров. Что-нибудь в этом роде.*

СВЕРДЛОВ. *Замечательный план, Владимир Ильич.*

ЛЕНИН. *Ни одному революционному правительству без смертной казни не обойтись. Вопрос только в том, против какого класса направить оружие смертной казни.*

СВЕРДЛОВ. *Совершенно верно, Владимир Ильич.*

СЦЕНА 2. МОСКВА. НОВОСПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Грязная узкая лестница в самом заднем углу монастырского двора. По лестнице поднимается ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. На ней серый жакет, из-под которого видно серое же платье, шляпа с вуалью. Руки в перчатках: одной она опирается на перила, в другой держит небольшую сумочку. Подходит к двери, обитой дерюгой, на

которой приколата написанная от руки «визитная карточка»: «Епископ Несторь Камчатский, заключённый большевиками». Елисавета Фёдоровна стучит в дверь, та открывается и на пороге появляется ЕПИСКОП НЕСТОР в подряснике.

Новоспасский монастырь в Москве.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Елисавета Фёдоровна! Глазам не верю. Ну проходите же в мои хоромы!*

Елисавета Фёдоровна проходит, берёт благословение у владыки. Келья похожа на дешёвенький номер грязного постоялого двора. Из всей мебели только маленький кухонный столик, клеенчатый диван; в углу икона Спаса.

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА (оглядывая помещение). *Да... Хоромы...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *В Александровском училище, где я провёл первые моменты своего заключения, спать пришлось на голом полу, подложив под голову полено. После и тюремная камера дворцом показалась. А здесь – хоромы!*

(Указывает на диван.)

Присаживайтесь, Ваше высочество. Уж не взыщите...

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА (крестится на икону, садится). *Я так волновалась за вас, владыка. Созванивалась со Святейшим Патриархом...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Если б не его, не ваши хлопоты, то я бы не в этих хоромах был, а по-прежнему – в Бутырках... Вашу обитель, Ваше высочество, ёще не завертело в этом водовороте?*

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. *Всех завертело... Революция не может кончиться со дня на день, она может только ухудшиться или сделаться хронической, что, по всей вероятности, и будет...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *К этому всё идёт...*

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. *Я только уверена, что Господь, Который наказывает, есть Тот же Господь, Который и любит.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *И мы должны любить. Не бросайте своих сестёр, Елисавета Фёдоровна, а поэтому не подвергайте опасности себя. Для меня самая тяжкая скорбь, что в такой страшный момент невольно оставил я своих детей – камчадалов. Они – дети...*

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. *Дети, конечно, дети. Да и те, которые творят вокруг безчинства, тоже – дети... Они в настоящее время не ведают, что творят. Больного ребёнка мы любим во сто раз больше, чем веселого и здорового. Я испытываю такую жалость к России...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да... Только я видел, как эти «дети» низвергли, испоганили наши святыни в Кремле... Они сокрушат всё...*

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. *Низвергли... Я знаю, что Великой России, увы, больше нет. Но я верю, что Святая Россия не может погибнуть!*

Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА (1864–1918) .

Прославлена в лике мучеников в 1981-м (РПЗ) и 1992-м (РПЦ) гг.

СЦЕНА 3. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ.

ЛЕНИН и СВЕРДЛОВ продолжают прогулку по Кремлю. Появляется АСТРОНОМ.

ЛЕНИН. *На ловца и зверь бежит! Присоединяйтесь к нам, товарищ Млечин.*

СВЕРДЛОВ. *Вот мы тут с Владимиром Ильичом обсуждаем вопрос о бывшем царе. Надо немедленно взять его из Тобольска на Урал.*

АСТРОНОМ. *Понимаю... И по дороге ликвидировать.*

ЛЕНИН. *Ни в коем случае! Включатся европейские правительства, их слюнявая социал-демократия. Начнётся милликовско-меньшевицкий вой. И, в последнем счёте, спустят на нас всех собак. Нет, в Екатеринбург всех надо доставить живёхонькими и целёхонькими. А там...*

СВЕРДЛОВ. *Прямо сейчас поезжайте в Тобольск, товарищ Млечин. Лучше вас с этим никто не справится. Только всё должно быть сугубо скрытно. Мандат мы, конечно, вам выпишем, но нужно придумать какой-то псевдоним, что ли.*

ЛЕНИН (Астроному). *Берите Якова Михайловича в посажёные отцы. Будете у нас комиссар Яковлев.*

(Смеётся.)

Везите полоумного Николая к уральцам. Отдадим его в их руки. Они народ закалённый, решительный.

АСТРОНОМ. *Хитро, Владимир Ильич!.. Тут я одного попа допрашивал. Помните, мы с Вами говорили о Несторе Камчатском?*

ЛЕНИН. *Да-да, припоминаю – махровый черносотенец. Разстреляли?*

АСТРОНОМ. *Так вы же сами, Владимир Ильич, распорядились повременить...*

ЛЕНИН. *Да... Ну и что этот поп?*

АСТРОНОМ. *Он сравнил меня с Великим инквизитором.*

СВЕРДЛОВ. *Почему с инквизитором?*

АСТРОНОМ. *Тот всякие хитросплетения использовал. Но как же мне далеко до вас, Владимир Ильич. Великолепно вы придумали, чтобы отдать Николая в лапы решительных екатеринбургцев.*

ЛЕНИН. *Это не я, а вот – Яков Михайлович предложил, прошу любить и жаловать... А что поп? О каком инквизиторе он говорил? Из Достоевского что ли? Терпеть не могу этого хлюпкого интеллигента, желавшего топить революционные вопросы в морализирующей блевотине. Вот, написал он реакционную гадость – «Бесы», ослабил Нечаева так, что даже наши безхребетные социалистики от Нечаева отшатнулись...*

СВЕРДЛОВ. *Однако это всё – дела давно минувших дней, Владимир Ильич...*

ЛЕНИН. *Отнюдь, Яков Михайлович, Нечаев сегодня архисовременен. Он умел свои мысли облекать в такие потрясающие формулировки, которые остаются памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить листовку, когда на вопрос — «Кого же надо уничтожить из Царствующего Дома?» — Нечаев дал точный ответ: «Всю великую ектинию».*

СВЕРДЛОВ. *Это когда поминался весь царский дом, все члены дома Романовых?*

ЛЕНИН. *Да-да. Так вот, Нечаев спрашивал: кого же уничтожить из них? И давал архисовременный ответ: да весь Дом Романовых! Ведь это просто до гениальности!*

(Астроному.)

Езжайте, батенька, езжайте и упрячьте пока всю эту ектинию в Екатеринбург!

Революционер Сергей Геннадиевич НЕЧАЕВ (1847–1882) .

В программном документе «Катехизис революционера» Нечаев, в частности, писал: революционер «в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нём, то для того только, чтоб его вернее разрушить... Он презирает и ненавидит во всех ея побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему... Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение». Нечаев стал прототипом Петра Верховенского в «Бесах» Достоевского. Мнение, которое высказывает (в сценарии) Ленин о Нечаеве, есть почти буквальное воспроизведение воспоминаний ближайшего соратника Ленина – В.Д. Бонч-Бруевича.

СЦЕНА 4. НОВОСПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ЕПИСКОП НЕСТОР и ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА продолжают разговор.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Я многое пережил за эти месяцы. Но ярче других остались два воспоминания. Первое – скорбное. На Остоженке на моих глазах были убиты два мальчика –*

оба Павлики. Один – сын моего друга отца Петра Архангельского. Другой – паренёк из рабочих, русский Гаврош.

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. Дети, опять дети...

ЕПИСКОП НЕСТОР. А вторе было в Бутырках... Меня привели в камеру после допроса со страшным чекистом... Чёрным... Из меня как будто стержень вынули... Не знал, куда приткнуться... Подошёл к решётке, а там – крест сияет над тюремной церковкой.

Оглянулся – а на стене кто-то написал: «Всё пройдет!».

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. Да-да, всё пройдёт... И воссияет Господь во славе Своей!

ЕПИСКОП НЕСТОР. Вот-вот, и я что-то похожее сказал себе. И вдруг понял, что тот стержень, который из меня будто вынули... Его не просто так вынули... А пронзили им врага нашего... И светло сразу стало...

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА (со слезами). Молитесь за всех нас, владыка! За нас, и за Ники, и за Алекс, и за меня, грешную!

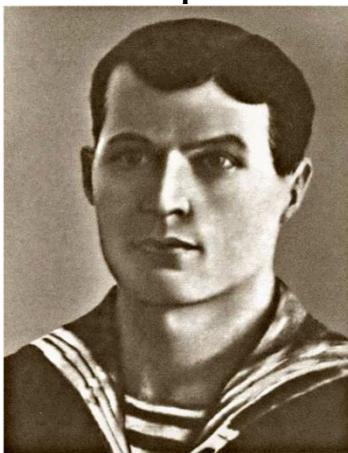
Елисавета Фёдоровна опускается на колени на грязный пол кельи. Владыка благословляет её.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Неси Крест Господний, раба Божия Елисавета.

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА (вставая с колен). Мы с вами, епископ Нестор, обязательно ещё встретимся. Обязательно... Но не здесь...

Вдали неожиданно раздаётся медленный колокольный звон.

СЦЕНА 5. ТОБОЛЬСК. ЗДАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. Апрель 1918-го года.

**Председатель Тобольского совета
большевик Павел Данилович ХОХРЯКОВ (1893–1918) .**

После возвращения из Тобольска сформировал «Карательную экспедицию Тобольского направления». Взял с собой заложников из числа офицеров, жандармов и священнослужителей. За епископа Тобольского и Сибирского Гермогена получил выкуп в 10000 рублей. Вместо того чтобы отпустить епископа, власти арестовали членов делегации, вносивших выкуп, которых позже убили. В момент неудачных боевых действий Хохряков приказал уничтожить заложников, в том числе и епископа Гермогена (его утопили в реке Туре). Хохряков убит в боях с чехословаками. В Перми ему установлен памятник. Именем Хохрякова названы улицы в Петербурге, Екатеринбурге, Перми, Тобольске и других городах.

Большой зал заставлен лавками в два ряда, между ними – проход. Справа сидят солдаты отряда охраны государя; в первом ряду – его командир ПОЛКОВНИК КОБЫЛИНСКИЙ. Там же расположился омский отряд. Слева – екатеринбургский отряд Заславского и разношёрстная публика; среди неё – РЫЖИЙ, УСАТЫЙ, ГЛЕБ. Впереди за столом, накрытым красной материей, сидит председатель Совета МАТРОС ХОХРЯКОВ, из-

под разстёгнутого бушлата видна тельняшка; перед ним на столе лежат наган и безкозырка с золотой надписью на ленточке «Заря свободы». Сзади него – красное полотнище с надписью белой краской: «Смерть буржуйам и мироедам!». Перед ним – трибуна, обтянутая кумачом, за ней выступает комиссар ЗАСЛАВСКИЙ. В зале шум.

ХОХРЯКОВ (берёт наган и стучит рукояткой по столу). *Слушаем, братишки, что нам говорит товарищ Заславский.*

ЗАСЛАВСКИЙ (продолжая прерванную речь). *Честь и хвала вам, гвардейские стрелки, что сохранили бывшего царя, не отдали его врагам революции. Сохранили для народной расправы! Для революционной мести! Ура!*

(Зал раскатисто отвечает: «Ура!!!». Хохряков снова стучит наганом по столу.)

Но опасность не миновала. Агенты контрреволюции снова и снова хотят увезти коронованного палача. Стало известно, что под губернаторский дом ведутся подкопы.

1-й СОЛДАТ ОХРАНЫ. *Врешь ты всё! Нету там никакого подкопу!*

ЗАСЛАВСКИЙ (не обращая внимания). *На Иртыше стоит в полной готовности ишуна «Святая Мария» – специально для того, чтобы умчать царскую семью за границу.*

2-й СОЛДАТ ОХРАНЫ. *Брехло!*

ЗАСЛАВСКИЙ (не обращая внимания). *Мы, уральцы, прибыли сюда из Екатеринбурга, чтобы пресечь все эти гнусные попытки! Час расплаты настал! С бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть! Но для начала мы требуем перевести всё семейство в каторжную тюрьму как преступников и кровопийцев!*

3-й СОЛДАТ ОХРАНЫ. *Ишь, чего захотел!*

4-й СОЛДАТ ОХРАНЫ. *А отвечать кто будет? Мы?*

В переднем ряду поднимается командир отряда охраны полковник Кобылинский.

Начальник Царскосельского караула
и особого отряда по охране Императорской семьи в Тобольске
полковник гвардии Евгений Степанович КОБЫЛИНСКИЙ (1875–1927, разстрелян).
Пьер Жильяр (наставник Цесаревича) называл его «лучшим другом» Государя.

КОБЫЛИНСКИЙ. *Я – командир отряда охраны полковник Кобылинский. Мне поручено охранять бывшего царя. Этого приказа никто не отменял. Заявляю, что согласен перевести царскую семью в тюрьму только под одним условием, чтобы в тюрьму были помещены и я, и все солдаты моего отряда, так как мы обязаны охранять семью.*

Кобылинский садится. Поднимается страшный шум в зале. Солдаты охраны грозят кулаками и винтовками в сторону Заславского, кричат:

«Не пойдём!», «Братцы, а давай лучше комиссара в тюрьму упрячем!», «Вон пошёл, стервец!», «Слезай с трибуны, а то сами стащим тебя за это самое место!».

Хохряков напрасно стучит наганом по столу – шум и крики не утихают. В зал тихо входит группа красноармейцев в кавалерийских шинелях и останавливается в дверях; на неё никто не обращает внимания.

ГОЛОС ИЗ РЯДОВ ОМИЧЕЙ. *То, что предлагал здесь товарищ Заславский, – скрытая контрреволюция.*

ЗАСЛАВСКИЙ (привставая). *Контрреволюция? Ты что сказал, гад! Убью!*

Заславский вскакивает, на ходу вытаскивая револьвер, быстро направляется к говорившему. Того и другого окружают вооружённые группы екатеринбуржцев и омичей соответственно. Завязывается драка. От двери из рядов красноармейцев в кавалерийских шинелях отделяется фигура их командира. Это – АСТРОНОМ. Теперь он играет новую роль – комиссара ВЦИКа ВАСИЛИЯ ЯКОВЛЕВА. На нём френч и галифе из скрипучей чёрной кожи, на безымянном пальце перстень с бриллиантом величиной с голубиное яйцо, на шее жилетная золотая цепочка с брелоками, на ремне кобура, на голове фуражка с красной звездой.

Большевик Константин Алексеевич МЯЧИН-ЯКОВЛЕВ – прототип МЛЕЧИНА-АСТРОНОМА.

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ (пытаясь перекрыть всех). *Успокойтесь, товарищи! Тише!*

На него не обращают внимания: стычка екатеринбуржцев и омичей не прекращается, шум не умолкает. Яковлев разстёгивает кобуру, достаёт наган и стреляет в потолок. На сидящих в зале сыплется побелка. Всё внезапно стихает. Екатеринбургцы и омичи застывают в немой сцене. Астроном подходит к трибуне, в правой руке он держит наган, в левой – мандат.

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ. *Товарищи! Я – комиссар Яковлев, посланный к вам с чрезвычайными полномочиями.*

(Поднимает над головой бумагу.)

Вот мой мандат, подписанный председателем ВЦИКа товарищем Свердловым.

1-й ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. *А это ишио кто такой?*

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ. *Может, вы ишио и товарища Ленина не знаете?*

2-й ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. *Знаем!*

3-й ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. *Ленина слышали!*

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ. *А тем, кто вообще ничего не слышал, всё доступно объяснят мои бойцы. Их двести человек с десятью пулемётами.*

(Гул в зале.)

Мне дано право разстреливать каждого, кто не будет исполнять приказы Советской власти.

(Делает паузу. Гул стихает.)

С этого момента бывший царь и его семейство переходят в полное мое распоряжение.

ЗАСЛАВСКИЙ (стоящий рядом). *Ну, это мы ещё посмотрим!*

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ (оборачиваясь к нему). *И смотреть тут нечего.*

(Кричит.)

Выполнять!

СЦЕНА 6. ТОБОЛЬСК. УЛИЦА СВОБОДЫ. Через 4 дня.

На улице около Губернаторского дома стоят четыре кошевы́ (сибирские телеги). Они окружены кавалеристами Яковлева (все спешены, держат коней под уздцы). Рядом стоит телега с двумя пулемётами. В некотором отдалении от них СОКОЛОВ и ГЛЕБ разговаривают с ПОЛКОВНИКОМ КОБЫЛИНСКИМ. Из ворот Губернаторского дома выходит АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ (в тёплом полушубке и папахе). Он левой рукой придерживает створ ворот, а правую прикладывает к папахе, приветствуя выходящего из ворот ГОСУДАРЯ (в шинели и фуражке). Астроном оглядывает его.

Император НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (1868–1918) в Тобольске в 1918-м году.

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ (снова прикладывая руку к папахе и почтительно обращаясь к Государю). *Как! Вы только в этом и поедете?*

ГОСУДАРЬ. *Я всегда так езжу.*

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ. *Нет, так нельзя, замёрзнете.*

Кивает солдату охраны, тот убегает в дом и через некоторое время возвращается с плащом. Государь проходит вперёд, садится в кошеву́. К Астроному подсакивает на лошади ЗАСЛАВСКИЙ.

ЗАСЛАВСКИЙ. *Слышь, комиссар, ты рядом с Николаем не садись – мы его по дороге кончать будем.*

АСТРОНОМ-ЯКОВЛЕВ. *Мне товарищи Ленин и Свердлов приказали доставить «груз» живым – и я его доставлю.*

ЗАСЛАВСКИЙ. *Ну, моё дело прокукарекать, а там пусть хоть и не разсветает...*

Заславский хлещет коня и уносится по дороге на Тюмень. Астроном садится рядом с Государем, машет рукой, и вереница телег начинает движение. Кинокамера переносится на Губернаторский дом. На его крыльце стоят ТРИ ВЕЛИКИЕ КНЯЖНЫ (в серых костюмах), они медленно машут вслед уходящим кошевам; потом поворачиваются и медленно одна за другой идут в дом.

Кошева – сибирские сани.

На таких везли в Тюмень тобольских узников, положив в каждую лишь по охапке соломы. Только Государыне дали крытый тарантас со спальным матрасом.

СЦЕНА 7. ТОБОЛЬСК.

УЛИЦА СВОБОДЫ ОКОЛО ГУБЕРНАТОРСКОГО ДОМА

На улице стоят и разговаривают ГЛЕБ, СОКОЛОВ, ПОЛКОВНИК КОБЫЛИНСКИЙ.

КОБЫЛИНСКИЙ. *Вот как всех обставил этот прохвост Яковлев! Всех вокруг пальца обвёл!*

(Глебу и Соколову.)

От вас, «спасателей», мы царя охранили, а от него – не смогли...

ГЛЕБ. *А на что же ваши грозные стрелки, полковник Кобылинский?*

КОБЫЛИНСКИЙ. *Какие там грозные... Были когда-то... Из старых, царскосельских, осталось – по пальцам сосчитать: все давно по домам разъехались, а прислали всякую голь и дрань.*

СОКОЛОВ. *И всё-таки, как они поверили этому прощелыге?*

КОБЫЛИНСКИЙ. *А тут дело не в вере. Всё очень просто. Солдаты получали грошовые суточные по пятьдесят копеек, а он им привёз и выдал сразу по три рубли. Вот вам и вся вера.*

СОКОЛОВ. *Блеск!*

КОБЫЛИНСКИЙ. *Да ещё туманно намекнул, что скоро они будут отпущены и разойдутся по домам. Этот Яковлев прекрасно умеет говорить с толпой, умеет играть на её слабых струнках...*

СЦЕНА 8. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. Тот же день.

Распахиваются Спасские ворота, и выезжает открытый автомобиль. На переднем сидении шофёр в кепке и комбинезоне, рядом чекист в кожанке. На заднем сидении – ЛЕНИН и СВЕРДЛОВ.

СВЕРДЛОВ (шофёру). *Гони! Гони!*
(Ленину.)

Опаздываем, Владимир Ильич!

ЛЕНИН. *Ничего, подождут... А всё этот плакса Горький задержал... Звонит, ноет: этого прости, того помилуй... Такой же говнюк, как все эти интеллигенты!*

СВЕРДЛОВ. *Но он же – наш говнюк!*

Оба смеются.

ЛЕНИН. *Говорит про очередного мерзавца: он талантливый. А я ему: вот и надо разстрелять, если враг да ещё талантливый.*

Снова смеются.

ЛЕНИН. *Ну что там ваш крестник в Тобольске?*

СВЕРДЛОВ. *Телефонировал мне сегодня утром. Всё осложняется... Уральцам вдруг моча в голову ударила: хотят прямо на месте с «грузом» расправиться!*

ЛЕНИН. *Нельзя допустить! Категорически! Сейчас наипаскуднейший момент для этого: у Яковлева наш мандат.*

СВЕРДЛОВ. *Да, не отвертись, на Екатеринбург не свалишь...*

ЛЕНИН. *Яков Михайлович, всё делайте, бейте, крушите, но самоуправства никак нельзя допустить. Архиопасно! Непременно надо доставить «груз» в Екатеринбург. А там...*

СВЕРДЛОВ. *Я постараюсь... Свяжусь с Яковлевым... Очень на него надеюсь, проверенный товарищ.*

ЛЕНИН (жёстко). *Уж вы постарайтесь, батенька, постарайтесь!*

СЦЕНА 9. ТОБОЛЬСК.

УЛИЦА СВОБОДЫ ОКОЛО ГУБЕРНАТОРСКОГО ДОМА.

На улице по-прежнему стоят ГЛЕБ, СОКОЛОВ, КОБЫЛИНСКИЙ. К Кобылинскому подбегает красноармеец НЕВОЛИН.

НЕВОЛИН. *Господин полковник! Беда!*

КОБЫЛИНСКИЙ. *Что такое?*

НЕВОЛИН. *Я – солдат Красной армии Неволин Александр. Из отряда Заславского. Он такое замышляет!..*

СОКОЛОВ. *Да говори же толком!*

Тобольск. Губернаторский дом.

НЕВОЛИН. *А я и толком. Собрал, значит, нас и разъясняет: «Мы теперь решили так: по дороге к Тюмени сделаем засаду. Когда Яковлев поедет с Романовым, как только сравняются с нами, вы должны из пулеметов и винтовок весь отряд Яковлева сечь до основания. И никому ничего не говорить. Если станут спрашивать, какого вы отряда, то говорите, что московского».*

ГЛЕБ. *Что, своих же, красных, решил положить?*

НЕВОЛИН. *Во! И я о том же! Я ему говорю: разбойниками, значит, быть? Я, мол, такой мысли в голову не допускаю, имея в виду, что вся наша вооруженная сила стоит на страже защиты Советской власти. Если вам нужно, чтоб Романова убить, так пуцай единолично кто-нибудь решает. А мы разбойниками не были и быть не можем, чтоб из-за одного Романова расстрелять таких же товарищей-красноармейцев, как и мы.*

КОБЫЛИНСКИЙ. *Дальше что?*

НЕВОЛИН. *После этого Заславский на меня люто так разозлился. Вижу, что дело начинает касаться моей жисти. Ища выходы, я, наконец, решился к вам...*

КОБЫЛИНСКИЙ. *Где засаду они готовят, знаешь?*

НЕВОЛИН. *Знаю, знаю. Я затем к вам и прибег: надоть предупредить.*

СОКОЛОВ. *Где?*

НЕВОЛИН. *Перед селом Иевлевым, где комиссар Яковлев, скорей всего, ночлег устроит. А ещё ране тама развилка имеется на две стороны. Я знаю – я тутошний... Так вот, если вправо взять, то дорога, почитай, хужее, но на Иевлево, опять же, ведёт. Надоть комиссару туда ехать... Но как предупредить?*

СОКОЛОВ (Кобылинскому). *Посылайте ваших стрелков, господин полковник!*

КОБЫЛИНСКИЙ. *Какие стрелки? Всех купил проклятый прохвост!*

ГЛЕБ. *А лошади есть?*

КОБЫЛИНСКИЙ (указывая рукой через дорогу). *За домом наши конюшни.*

СОКОЛОВ. *Кто с нами?*

Кобылинский и Неволин молчат. Глеб раздосадованно машет рукой, потом дотрагивается до плеча Соколова. Офицеры бегом пересекают улицу и скрываются за углом дома.

СЦЕНА 10. ДОРОГА ИЗ ТОБОЛЬСКА НА ТЮМЕНЬ.

По воде и грязи тащатся три кошевы и трантас. На первой – АСТРОНОМ и ГОСУДАРЬ (поверх шинели накинут плащ). Спереди и сзади – кавалеристы охраны. За ними в отдалении появляются два бешено скачущих всадника – СОКОЛОВ и ГЛЕБ. Несколько арьергардных кавалеристов разворачиваются и выдвигаются к ним.

СОКОЛОВ (поднимает руку и кричит). *Мне нужен комиссар Яковлев! Донесение, не терпящее отлагательства!*

Астроном оборачивается, машет рукой солдату, сидящему за кучера. Кошевы останавливаются. Кавалеристы окружают Соколова и Глеба, вместе подъезжают к первой кошеве. Соколова и Глеб спрыгивают на землю и отдают честь Государю.

СОКОЛОВ и ГЛЕБ. *Здравия желаем, Ваше Величество!*

Государь прикладывает руку к фуражке.

АСТРОНОМ. *В чём, собственно, дело? Вы прискакали сюда поприветствовать бывшего царя? Я велю вас разстрелять.*

ГЛЕБ. *Вероятнее всего, разстреляют вас.*

АСТРОНОМ (вглядываясь в Глеба). *А-а! Старый знакомый! Никак с того света вернулся? Надо же...*

(Переводит взгляд на Соколова.)

И вы, ротмистр... Как вас? Да, Соколов!

СОКОЛОВ. *Знакомствами считаться будем как-нибудь потом – сейчас некогда. Нам доподлинно известно, что Заславский выставил мощную засаду у села Иевлево. Приказ – уничтожить вас всех.*

АСТРОНОМ. *Он не посмеет! Я послан Лениным и Свердловым со всеми полномочиями! Вы – провокаторы! Я вас разстреляю!*

ГЛЕБ. *Я бы тоже пристрелил вас! И с превеликим удовольствием! Но вы сейчас – единственный, кто может спасти Государя. Через полверсты поверните направо – объедете засаду.*

АСТРОНОМ (в некотором замешательстве). *Почему я должен вам верить?*

СОКОЛОВ. *Нечего сейчас на ромашках гадать: верить – не верить. Счёт на минуты. Заславский может выслать разъезд, чтобы узнать, где вы находитесь. Тогда всё пропало.*

ГЛЕБ. *Мы поскачем несколько вперёд, если будет разъезд, уведём его. Если нет – ждём вас у повортки. А там мы выдвинемся к засаде, отвлечём их, чтобы вы успели отъехать на достаточное расстояние. Договорились?*

АСТРОНОМ. *Хорошо... Я привык верить людям.*

Офицеры иронически смеются. Астроном машет рукой кавалеристам, те разступаются, образуя проход. Соколов и Глеб вскакивают в сёдла, отдают честь Государю и скачут вперёд.

СЦЕНА 11. МОСКВА. КРЕМЛЬ. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

18-е апреля, Страстная среда; по новому стилю - 1-е мая 1918-го года.

Вся площадь в гирляндах и венках из зелени, красных знамёнах с кистями, транспарантах, плакатах. На них видны надписи: «Да здравствует международный праздник труда!», «Защита Советской республики с оружием в руках – священный долг каждого рабочего и крестьянина!», «Да здравствует Советская власть и диктатура над буржуазией!», «Да здравствуют наши искры мирового пожара!». На зданиях Верхних торговых рядов и Исторического музея висят футуристические полотна: видны квадраты,

ромбы, лица с треугольниками вместо глаз. Кинокамера переносится к Иверской часовне. На ней растянута кубическое полотно с огромным рыбьим глазом. Из часовни выходят люди. Среди них СТАРУХА в тёплом платке, РАБОЧИЙ в пальто (натягивает кепку), ВАРВАРА АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Старуха оборачивается к часовне, поднимает руку для крестного знамения и видит рыбий глаз. Рука замирает в воздухе.

СТАРУХА. *Ишь ты, хотят, чтобы мы дьяволу поклонялись...*

РАБОЧИЙ. *Тише ты, Авдеевна, чека начеку. Пропадёшь, и дьявол не понадобится.*

Мимо них проезжает грузовик, задрапированный холстами с безпредметными изображениями. На грузовике актриса, размахивающая красным знаменем, и другие актёры, изображающие сцену «Парижская коммуна».

Большевицкая демонстрация в Москве
1-го мая 1918-го года.

СЦЕНА 12. КОННЫЙ ДВОР

МОСКОВСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА. Тот же день.

Всё так же, как и полгода назад. Только возле стены стоит несколько огромных узлов, завязанных в скатерти, одеяла. Горит печка. За столом сидят СОКОЛОВ и ГЛЕБ (по-прежнему в солдатском и с длинными бородами), ТАЛОЧКА. Входит ИГНАТ с миской солёных огурцов. Из карманов достаёт четыре стакана, протирает тряпочкой. Из-за пазухи вытаскивает пузырёк тёмного стекла с мерной шкалой.

ИГНАТ. *Вон оно, какое дело...*

(Соколову.)

Правильно вы, ваше благородие, помнится, говорили: ничаво не меняется! Полгода, чай, прошло, а мы вот опять тут в моих конюшнях сидим. И живы все, благодаря Господу.

(Крестится на икону.)

Окромя Павлика...

ТАЛОЧКА. *От Фёдора и Сони по-прежнему никаких известий...*

ИГНАТ. *Сплюньте, барышня...*

(Разливает спирт до половины стаканов, потом доликает водой из ковшика. Обращается к Глебу и Соколову.)

Слава Господу, вырвались из своей Сибири! Ну, давайте со свиданьем и с приятностью.

СОКОЛОВ. *Первомай! В большевицкой стране надо и большевицкие праздники отмечать...*

ИГНАТ. *Иудина пасха...*

ГЛЕБ. *Что?*

ИГНАТ. *А в Страстную среду на службе предателя Иуду вспоминают, вот народ и прозвал ихний Первомай пасхой Иудиной. Так вот, стало быть...*

ТАЛОЧКА. *Великий и могучий русский язык!*

ГЛЕБ. *Меня всегда интересовало: рабочий класс специально или случайно приурочил свой праздник к Вальпургиевой ночи, шабашу ведьм?*

СОКОЛОВ. *А ты у Чёрного полковника спроси, он, наверняка, знает. Ну, давайте за встречу и за нашего хозяина Игната!*

ИГНАТ. *Это – да...*

Мужчины выпивают по полному стакану, Талочка чуть пригубливает и морщится.

СЦЕНА 13. МОСКВА. КРЕМЛЬ. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

На Красной площади народу не густо: стоят и проходят отдельные колонны красноармейцев, партийцев, представителей заводов и фабрик; в руках – знамёна, транспаранты, плакаты. Между памятником Минину и могилами у Кремлёвской стены установлена большая трибуна, украшенная красными полотнищами и знаменами. На ней и около неё стоят вожди большевиков и командиры Красной армии. ЛЕНИН заканчивает выступление. Гóлоса не слышно, видна только рука, рубящая воздух.

Празднование 1-го мая 1918-го года на Красной площади.

Ленин спускается с трибуны. Раздаются отдельные выкрики из колонн:

«Да здравствует товарищ Ленин!», «Ура вождю мирового пролетариата!», «Ура товарищу Троцкому!».

ЛЕНИН, СВЕРДЛОВ, ТРОЦКИЙ, ДЗЕРЖИНСКИЙ, АСТРОНОМ пересекают площадь, разговаривая друг с другом и с демонстрантами, направляются к другой (меньшей)

трибуне, установленной между Историческим музеем и Никольской башней. Рядом с ними идёт комендант Кремля МАТРОС ПАВЕЛ МАЛЬКОВ (во всю грудь красный бант с длинными лентами, доходящими до живота и прикрывающими разстегнутую кобуру, из которой выпирает рукоять нагана; на ленте безкозырки надпись «Диана»). Икона Николая Чудотворца на башне завешена большим красным полотнищем, прикрепленным по нижнему и боковым краям. На нём надпись: «Смерть Вере – Опиуму Народа». Ленин поднимается на трибуну.

А.А. Веснин и В.А. Веснин. Эскиз убранства
Троицкой и Кутафьей башен Кремля на 1-е мая 1918-го года.

ЛЕНИН. *Товарищи! Мы с вами отвоевали у буржуев этот праздник! Теперь не надо тайно ходить на маёвки, прячьтесь от полиции. Мы открыто празднуем Первомай в столице новой, социалистической России. Да здравствует социализм! Да здравствует Советская власть!*

КРИКИ В КОЛОННАХ. *Да здравствует социализм! Да здравствует Советская власть!*

ЛЕНИН. *Будем крепко держать знамя пролетарского Интернационала, зорко оберегать завоевания Октября! Война не на жизнь, а на смерть всем богачам и...*

Неожиданно за спиной Ленина раздаётся громкий треск. Все оборачиваются к Никольской башне и видят, что полотнище, закрывавшее икону, разрывается. Полоски материи, как ленточки, отрываются сверху вниз и медленно падают на землю. Площадь замирает. Застывают и те, кто стоит на трибуне. Свердлов снял пенсне, держит его в руках. Астроном отвернулся в сторону, видны чуть сгорбленные плечи. Только Дзержинский безпокойно оглядывается по сторонам. Ленин несколько секунд стоит с открытым ртом, как бы продолжая говорить без слов. Потом он встряхивается и поворачивается к площади.

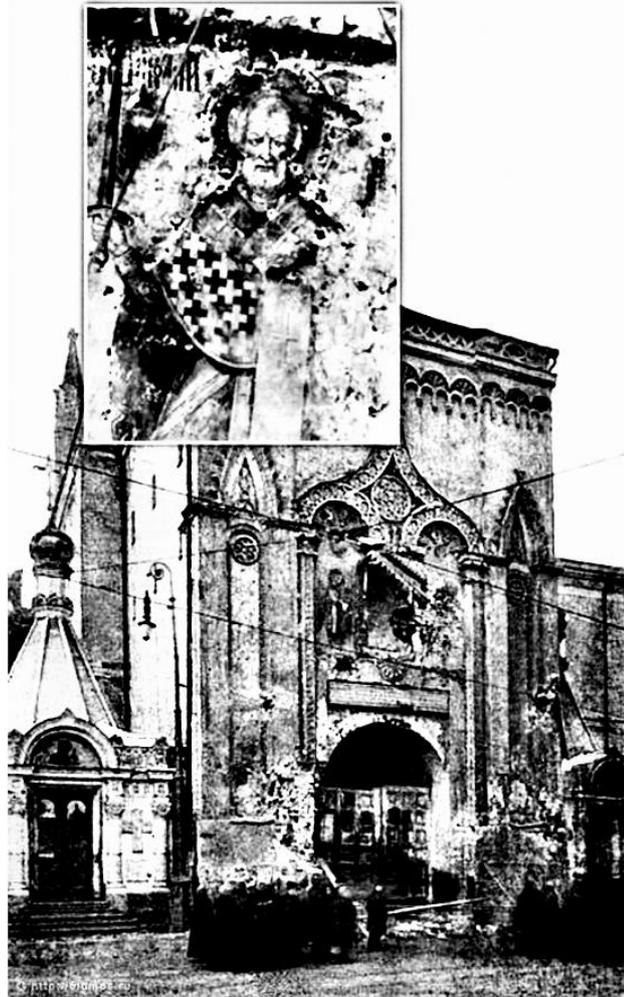
ЛЕНИН. *Товарищи! Попы и махровые черносотенцы хотят отравить наш праздник! Не дадим им этого сделать!*

Перебивая его, от Воскресенских ворот раздаётся высокий и громкий девичий голос.

ВАРВАРА. *Радуйся, Николае, великий Чудотворче.*

ЛЕНИН (пытаясь перекричать, усиленно картавит). *Мерзкая, безстыдная, наглая, неслыханная провокация контрреволюционеров!*

Полоски материи продолжают падать, кружась в воздухе. Порыв ветра доносит их до трибуны, где стоят вожди большевиков. Обрывки кумача повисают на их головах, одежде. От Казанского собора раздаётся хор из нескольких голосов.

«Никола Раненый».

ГОЛОСА. *Радуйся, яко тобою вера утверждается; радуйся, яко тобою ересь низлагается.*

ВАРВАРА (от Воскресенских ворот). *Радуйся, Николае, великий Чудотворче.*

Многие на площади становятся на колени и крестятся. Падают последние ленточки. Икона совершенно очищается. Остаются лишь маленькие кусочки красной материи по краям, где были гвозди. Виден весь образ, только левая сторона, где была рука Святителя с градом, уничтожена при обстреле Кремля.

ЛЕНИН (Дзержинскому, снимая красный лоскуток с плеча и нервно отбрасывая его в сторону). *Куда же смотрит ваша хваленая ЧК, Феликс Эдмундович! Безобразие! Надо же что-то делать!*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Кто ожидал, Владимир Ильич... Но теперь мы не можем начать стрельбу. Здесь иностранные дипломаты, корреспонденты. Мы не можем...*

МАЛЬКОВ (перебивая его). *А мы, вот можем, в бога и в душу!*

Комендант Кремля

Павел Дмитриевич МАЛЬКОВ (1887–1965) .

Через несколько месяцев он собственноручно разстреляет Фанни Каплан, покушавшуюся на жизнь Ленина. В 1948 – 1954 гг. – узник советских концлагерей как троцкист.

Мальков вытаскивает наган и стреляет в икону. Несколько красноармейцев вскидывают винтовки и тоже стреляют. Кинокамера показывает, что пули ложатся кругом головы Святителя, образуя ещё один нимб. На площади раздаются вскрики, рыдания.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. *Никола раненый...*
МУЖСКОЙ БАС. *Спаси Господи люди Твоя!*

Вдруг раздаётся оглушительный грохот турецкого барабана. Вслед за ним оркестр начинает играть (тоже очень громко) «Интернационал».

СЦЕНА 14. КОННЫЙ ДВОР.

За столом сидит ИГНАТ со стаканом в руке. СОКОЛОВ и ГЛЕБ курят возле печки. ТАЛОЧКА прилегла на полати.

ГЛЕБ. *Как ты всё-таки узнал, Игнат, когда нас встречать?*

ИГНАТ. *А письмо ваше получил.*

ГЛЕБ. *Но вы же в Посаде были, а я на Мясницкую писал.*

ИГНАТ. *А я и на Мясницкую к нам наведывался. Страсть что такое там творится!*

Во все комнаты голодранцы всякие понапхались. Даже у Агафьи Лукинишны, на кухне, лахудра ихняя угнездилась! Диван, вишь, поставила! Барыня!

ГЛЕБ. *Да, прощай Мясницкая...*

ИГНАТ. *Ну я с этой самой лахудрой, как водится, потолковал: так, мол, и так, тётенька...*

СОКОЛОВ (смеётся). *Никак, Игнат, ты и рабоче-крестьянскую любовницу себе завёл!*

ТАЛОЧКА. *Костя!..*

СОКОЛОВ. *А что? Наш пострел везде поспел!*

ИГНАТ. *Ни в коем разе... Я от Агафьи Лукинишны теперь никуда... Так, поговорил кой о чём...*

ГЛЕБ (смеётся). *Знаем мы, о чём ты с женщицами разговариваешь.*

ТАЛОЧКА. *Глеб!..*

ИГНАТ. *Это – да... Зато и письмо ваше она мне доставила, и о том, что уже раза три приходили за вами из чеки рассказала...*

(Указывает на узлы.)

И добро кое-какое помогла собрать.

СОКОЛОВ. *Как же эта твоя лахудра добро отдала?*

ИГНАТ. *Как не отдать! Куды она денется... Да я из других комнат всё больше понатаскал. Пока голодранцы ещё не заселились. А лахудре-то я ишишо и патефону Федюшкину подарил. Пуцай развлекается... На что ему теперь патефона...*

ГЛЕБ (подходя к узлам, грустно). *Да и это всё – на что нам теперь...*

ИГНАТ (возмущённо). *Как на что? Вам без надобности, а мы в Посаде, бывало что, и голодали, пока Агафья Лукинишина да вон Наталья Васильевна с Варюшкой не стали обувь кожаную шить да на базаре продавать. А теперь вот Агафья Лукинишина всё это добро заберёт, на базар стащит, и будет им с отцом Петром на прокормление. Не извольте беспокоиться!*

Глеб развязывает один узел, разворачивает газетный свёрток, лежащий сверху. В руках у него оказывается коробка старого Рождественского ковчега. Глеб смотрит на неё недоуменно.

ГЛЕБ. *А это зачем?*

ИГНАТ. *Так... Память...*

В отдалении, приглушённо звучит соната Глинки.

Московский сельскохозяйственный институт (Петровская академия).

СЦЕНА 15. КОННЫЙ ДВОР. Вечер того же дня.

За столом сидят ГЛЕБ, ТАЛОЧКА, СОКОЛОВ, рядом с ним ВАРВАРА греет руки о кружку с чаем. На полатах что-то мастерит ИГНАТ.

ГЛЕБ. *Ну ты – героиня, сестрёнка! Самого Ленина перепела!*

ИГНАТ (с полатей). *Вон оно как вышло! У их – Иудина пасха, а у нас – ещё один Николин день!*

ТАЛОЧКА (Варваре). *Как же ты от чеки ушла?*

ВАРВАРА (смеется). *Я урождённая москвичка! А они – не то латыши, не то поляки, не то ещё кто... Через Китай-город, а там извозчика быстро взяла.*

СОКОЛОВ (нежно приобнимает Варвару). *Подвижница моя!*

Женщины продолжают разговаривать, смеются. Глеб и Соколов отходят к печке, курят. Потом Глеб возвращается к столу.

ГЛЕБ. *Что ж, милые дамы, давайте устраиваться на ночлег. Завтра надобно встать пораньше.*

(Талочке и Игнату.)

У нас поезд на Ростов отходит в восемь утра.

СЦЕНА 16. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ ГРЯЗИ-ВОРОНЕЖСКИЕ.

Через три дня.

В купе стоящего поезда сидят ИГНАТ (в форме рядового Сумского полка) и ТАЛОЧКА (одетая мещанкой).

Станция Грязи-Воронежские .

ТАЛОЧКА. *Что-то долго Глеба нет, уже сто раз можно было кипятка набрать. Скоро поезд тронется.*

ИГНАТ. *Дурное дело... Зачем было самому иттить? Не ихнее это занятие... Я бы мигом слётал. А то сам да сам. И где сам?*

ТАЛОЧКА (указывает в окно). *Игнат, смотри!*

Смотрят в окно: через него видно, что солдаты красноармейского патруля останавливают ГЛЕБА (в форме рядового Сумского полка), который с чайником в руках идёт от вокзального здания к поезду. Глеб показывает документы. Один из солдат просматривает их, потом указывает рукой на вокзальное здание. Другой солдат хватается Глеба за плечо.

ТАЛОЧКА. *Игнат, они арестуют его!*

(Вскакивает с места.)

Бежим туда, надо спасать!

ИГНАТ (деликатно, но твёрдо усаживает Талочку на место). *Никуда мы с тобой, Наталья Васильевна, не бежим. Сам приказал тут сидеть, вот и будем сидеть. Сам приказал тебя стеречь, вот и будем стеречь. Сам разберётся. А ежели бузу затеем, и все пропадём, и ему хуже будет.*

Снова смотрят в окно: спор Глеба с патрулём переходит в лёгкую потасовку. Раздаётся гудок паровоза. Глеб вырывается из рук солдат и бежит к поезду. Проходящий мимо красноармеец ставит подножку. Глеб падает, чайник вываливается из рук. Кипяток льётся на

ногу красноармейцу; тот прыгает, истошно орёт. Вода разливается по перрону. Патрульные хватают Глеба. Звучит второй гудок. Поезд трогается. В купе Игнат крепко держит за плечи рыдающую Талочку. Та бьёт его кулаками, вырывается. Игнат держит.

ТАЛОЧКА. *Пусти, Игнат! Пусти!*

ИГНАТ (удерживая Талочку). *Это – да...*

СЦЕНА 17. СПАЛЬНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАГОН В ПОЕЗДЕ КУРСКО-НИЖЕГОРОДСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. Тот же день.

Шикарный вагон. По одну сторону расположены купе, по другую – окна и откидные места. Между ними коридор, в котором стоят и сидят пассажиры. У открытого окна курит СОКОЛОВ (в модном штатском костюме). Рядом с ним разговаривают два прилично одетые МУЖЧИНЫ.

1-й МУЖЧИНА. *Теперь ехать стало гораздо быстрее. Раньше стояли на станциях до посинения, а сейчас, говорят, проверка документов проходит по движению поезда.*

2-й МУЖЧИНА. *Да, но ты попробуй собрать все эти документы!*

1-й МУЖЧИНА. *До Белгорода-то ещё ничего, а потом начинается нынешняя Украина, немцы. Там-то куча всяких бумаг нужна.*

СОКОЛОВ (вмешивается в разговор). *Извините, что невольно подслушал ваш разговор. Вы сказали, что в Белгороде – немцы?*

2-й МУЖЧИНА. *А вы не знали? Уже давно, по Брест-Литовскому соглашению. Именно там проходит разграничительная черта.*

СОКОЛОВ. *И какие-то особые документы необходимы?*

1-й МУЖЧИНА. *Да куча, я же говорю, куча. Надо доказать, что ты не контрреволюционер, что Красная армия не имеет к тебе никаких претензий, медицинская справка и, конечно, виза в паспорте. Но и это не всё... Куча...*

СОКОЛОВ (в раздумье). *Надо же... Как же так...*

Мужчины уходят в свое купе. После их ухода место в коридоре освобождается, и Соколов замечает через несколько откидных сидений от себя симпатичную жгучую брюнетку восточного типа с пышными волосами. Это известная танцовщица и актриса ЛИДИЯ ДЖЕКСОН. Она смотрит в окно и курит из длинного мундштука. Соколов некоторое время вглядывается, пытается вспомнить, где её видел, потом бьёт себя по лбу. Немного раздумывает и подходит к брюнетке.

Актриса и танцовщица ЛИДИЯ ДЖОНСОН (1896–1969) –
прототип ЛИДИ ДЖЕКСОН только в эпизодах с переходом границы.
Всё остальные сюжетные повороты – авторский вымысел.

СОКОЛОВ (подходя к брюнетке). *Excuse me, Miss Jackson. May I introduce myself?*
 ЛИДИЯ ДЖЕКСОН (оборачивается и оглядывает Соколова). *Красавец!.. Полноте, господин офицер, я такая же англичанка, как вы штатский франт. Ну, давайте знакомиться: я всего лишь Лида Симанович из Житомира, а Джексон – так, сценический псевдоним.*

Протягивает руку, Соколов её целует.

СОКОЛОВ. *Видел вас на сцене, Лидия! Восхищён вашими танцами! Да и в фильме «Ночные грёзы» вы очаровательны! Я так рад нашей встрече!*

ЛИДИЯ. *Дорогой мой, давайте сразу определимся: у вас ко мне какое-то дело или вы флиртуете?*

СОКОЛОВ (смущённо). *Видите ли... У меня в соседнем купе невеста.*

ЛИДИЯ. *Это что-то меняет? А у меня в соседнем вагоне целая сценическая труппа... Впрочем, значит, это не флирт... Ну, рассказывайте, в чём дело.*

СЦЕНА 18. ЗДАНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВОКЗАЛА НА СТАНЦИИ ГРЯЗИ-ВОРОНЕЖСКИЕ. Тот же день.

Большое шикарное помещение зала ожидания загажено, газовые рожки на стенах не горят. На креслах и на полу сидит разного рода публика, в основном солдаты. Около двери на животе неподвижно лежит ГЛЕБ, рядом видна размазанная кровь. Около него сидит солдат, перематывающий портянки. Дверь открывается, и шумно входит группа красноармейцев. В центре её – АНДРЕЙ КОВАЛЕНКО. Он в форме красного командира, френч перепоясан ремнями, фуражка с матерчатой красной звездой. Коваленко чуть не спотыкается о тело Глеба, нагибается и поворачивает тело. Лицо Глеба в крови. Коваленко щупает пульс.

Станция Грязи-Воронежские.

КОВАЛЕНКО (обращаясь к солдату с портянками). *Это что ещё такое?*

СОЛДАТ С ПОРТЯНКАМИ. *Сука белогвардейская! Проминашеву из четвертой роты все ноги кипятком пообварила. Вот мы и пришибли его. Знай наших!*

КОВАЛЕНКО (орёт). *Почему сидишь, когда к тебе краском обращается?*

Солдат вскакивает: одна нога в сапоге, другая босая. Сзади слышится голос другого солдата.

2-й СОЛДАТ. *Ишь, одних командеров порешили, другие понабежали. И этих, дай время, порешим.*

Коваленко резко оборачивается, ищет глазами говорившего.

КОВАЛЕНКО. *Молчать! Соблюдать революционную дисциплину!*

(Обращается к своей группе, указывая на тело Глеба.)

Отнести ко мне в вагон и вызвать врача. Может, он ещё жив, хорошо было бы допросить.

Коваленко быстро проходит вперёд. Несколько солдат берут тело Глеба и выносят из здания вокзала.

СЦЕНА 19. СПАЛЬНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАГОН В ПОЕЗДЕ КУРСКО-НИЖЕГОРОДСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

СОКОЛОВ и ЛИДИЯ стоят у окна в коридоре вагона.

ЛИДИЯ. *Мы тоже сейчас едем до Белгорода, а потом на гастроли в Харьков. Хорошо, красавец, я попытаюсь перевести вас через границу. Идите сюда.*

(Подходит к двери купе, открывает её и заходит. Соколов следует за ней.)

Вот моё купе. Перенесите сюда свои вещи. На время поездки вы – мой танцевальный партнер. А невесту вашу я размещу вместе с трупной, там как раз есть свободное место.

СОКОЛОВ. *Может быть, сделать наоборот: я поеду с трупной, а Варвара с вами...*

ЛИДИЯ. *Нет, мой дорогой, так не получится. В качестве кого она будет здесь? А вот в качестве кого будешь ты, я вполне себе представляю.*

Лидия закрывает дверь и остаётся наедине с Соколовым.

СЦЕНА 20. НОВОЧЕРКАССК. ДЕВИЧИЙ ИНСТИТУТ ДЛЯ СИРОТОК.

Новочеркасск.

В большом зале горят люстры, играет оркестр, по блестящему паркету кружатся в вальсе пары. Офицерский полк бригады Дроздовского даёт прощальный бал воспитанницам

Новочеркасского девичьего института для сирот. С офицерами танцуют девушки и девочки в белых бальных платьях с пеньюарами, на руках длинные белые перчатки. В углу стоит небольшая группа старших офицеров во главе с полковником ДРОЗДОВСКИМ. Среди них – полковник ЛИХАЧЁВ. На балконе второго этажа в кресле сидит НАЧАЛЬНИЦА ИНСТИТУТА – чопорная седая дама в шелковом платье с бриллиантовым вензелем на плече. Рядом с ней стоят две девушки-пепиньерки.

Генерального штаба полковник (незадолго до смерти – генерал-майор)
Михаил Гордеевич ДРОЗДОВСКИЙ (1881–1919) .

ДРОЗДОВСКИЙ (Лихачёву). *После нашего перехода из Румынии Новочеркасск кажется землёй обетованной. Что-то будет дальше?*

ЛИХАЧЁВ (улыбается). *Выходит, что и рай надо брать с боем... Знаете, Михаил Гордеевич, я вот смотрю на этих нежных институток, на лица офицеров, слышу их голоса, смех и думаю о том, какой простой, человеческой, могла бы быть наша мирная жизнь на русской земле, если бы большевики не потоптали всю русскую жизнь.*

ДРОЗДОВСКИЙ. *Вот мы и бьёмся за человеческую Россию против всей бесчеловечной тьмы. Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы сможем начать новую жизнь. Это наш единственный путь, Леонид Осипович, наш символ веры.*

Танец заканчивается, пары расходятся, оркестр замолкает. Вдруг раздаются громкие хлопки с балкона. Все оглядываются и смотрят на начальницу института.

НАЧАЛЬНИЦА ИНСТИТУТА (громко и сухо). *Внимание! Для младших воспитанниц бал закончен, они направляются в свои дортуары.*

Слышатся подавленные детские рыдания. Видны побледневшие, плачущие лица младших институток. Дроздовский быстро пересекает зал, поднимается на второй этаж и подходит к начальнице.

ДРОЗДОВСКИЙ (с коротким поклоном). *Сударыня, отлично понимаю, что таков порядок в вашем институте, но я бы очень просил на сегодняшний день сделать исключение.*

НАЧАЛЬНИЦА ИНСТИТУТА (сухо). *Никаких исключений.*

ДРОЗДОВСКИЙ (снимая пенсне и вертя его в руке). *Конечно, Марья Петровна, порядок есть порядок... Но, может быть, мы уже и не свидимся... Девочки так разстроены... А мои офицеры пришли из боя и уходят в бой...*

НАЧАЛЬНИЦА ИНСТИТУТА. *Вам меня не разжалобить, полковник. Я слишком хорошо знаю, что такое доля офицера: один мой сын убит, другой пропал без вести... Но вы же следите за распорядком в своих полках? А я слежу за распорядком в своём институте. Скажите офицерам, чтобы продолжали танцевать со старшими воспитанницами.*

ДРОЗДОВСКИЙ (с коротким поклоном). *Так точно, сударыня, слушаюсь.*
(Собирается уходить.)

НАЧАЛЬНИЦА ИНСТИТУТА (стараясь сдержать улыбку). *Вы, Михаил Гордеевич, со мною как с самым главным генералом разговариваете... Ладно... Растопили сердце старухи.*

(Подходит к балкону и громко говорит вниз.)

Так и быть, разрешаю младшим ещё три танца.

Раздаётся радостный визг девочек, офицеры кричат «Ура!», начинает играть оркестр.

СЦЕНА 21. СТАНЦИЯ БЕЛЕНИХИНО ПОД БЕЛГОРОДОМ. ПОГРАНИЧНЫЕ ПУНКТЫ МЕЖДУ ГЕРМАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИЯМИ.

Вдали видны железнодорожные казармы, будка стрелочника. На переднем плане здание самой станции, за ним – пристанционная рощица. Станция разделена на три части. От поезда до пункта большевицкого пограничного контроля – советская территория. Потом следует нейтральная полоса, заканчивающаяся немецким пограничным постом. За ним – немецкая территория. Пассажиры выходят из поезда, проходят через пункт большевицкого контроля, тянутся по нейтральной полосе до немецкого поста. Багаж везут на тележках, пассажиры идут рядом с ними. У советского поста толпится большая очередь на досмотр. Из поезда выходит **ЛИДИЯ ДЖЕКСОН** с ридикюлем в руках, в трогательной светлой пелеринке, шляпке, из-под которой едва видны чёрные волосы. Она совсем не похожа на роковую обольстительницу из поезда. За Лидией спускаются **СОКОЛОВ**, **ВАРВАРА** и **ВОСЕМЬ АКТЁРОВ** труппы (мужчины и женщины). Лидия, небрежно раздвигая толпу, быстро идёт к пункту большевицкого контроля. Соколов, Варвара, труппа продвигается медленно, нарочно отставая от Лидии.

Современный вид станции Беленихино.

ВАРВАРА (тихо Соколову). *У тебя с ней была связь?*

СОКОЛОВ (пытаясь изобразить удивление). *С кем?*

ВАРВАРА. *Что ты притворяешься? С этой... с Лидией...*

СОКОЛОВ. *Что ты! Как можно!*

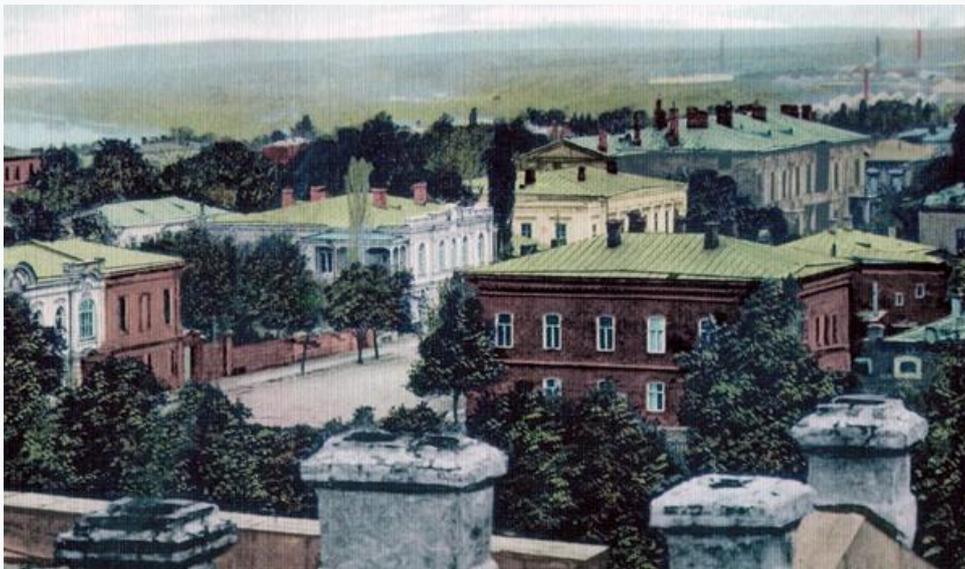
ВАРВАРА (чуть не плача). *Лжешь ты всё... Это ваше противное гусарство...*

СОКОЛОВ. *Прекрати, Варенька, сейчас не до этого... Смотри, вон Лидия уже дошла до красных. Если всё получится, через час-другой у матушки в Белгороде будем чаи распивать.*

Вдалеке Лидия подходит к красным пограничникам.

СЦЕНА 22. НОВОЧЕРКАССКИЙ ДЕВИЧИЙ ИНСТИТУТ ДЛЯ СИРОТОК.

Продолжается прощальный бал офицеров-дроздовцев и новочеркасских институток. ДРОЗДОВСКИЙ танцует с НАЧАЛЬНИЦЕЙ ИНСТИТУТА, ЛИХАЧЁВ с ДЕВУШКОЙ-ПЕПИНЬЕРКОЙ. В зал входит ГЛЕБ, останавливается у двери и осматривается. У него перебинтована голова, под глазом синяк, прихрамывает. Танец заканчивается. Лихачев продолжает разговаривать со своей партнёршей. Дроздовский направляется к двери. К нему подходит Глеб.

Новочеркасск.

ГЛЕБ. *Господин полковник, разрешите обратиться. 1-го гусарского Сумского полка поручик Архангельский. Хочу служить в вашей бригаде. У вас ведь есть конный полк?*

ДРОЗДОВСКИЙ (оглядывая Глеба). *Где это вас так разукрасили, поручик? В бою были?*

ГЛЕБ (смущённо). *Не успел... На станции Грязи красные с поезда стащили... И вот...*
(Указывает на перебинтованную голову.)

Вообще чудом спасся.

ДРОЗДОВСКИЙ. *Что за чудо?*

ГЛЕБ. *Подобрал меня бывший сослуживец, он теперь видный командир у красных.*

ДРОЗДОВСКИЙ. *Да, со своими офицерами воюем... Мы-то хоть знаем, за что умирать будем... А они? За хлебные карточки?*

К ним подходит Лихачев.

ЛИХАЧЁВ (улыбаясь, протягивает и пожимает руку Глебу). *Здравствуйте, поручик. Вот приятный сюрприз. Я, признаться, уж похоронил вас. Полагал, что вы убиты или разстреляны...*

ГЛЕБ (тоже улыбаясь). *Честно говоря, не вижу большой разницы между этими двумя версиями моей биографии.*

ЛИХАЧЁВ (Дроздовскому). *Это один из двух гусар, которые в Тобольске осуществляли разведку для спасения Государя. Помните, я вам говорил?*

ДРОЗДОВСКИЙ. *Вот как! Государя? Любопытно. Пойдёмте, господа, ко мне в гостиницу.*

(Глебу.)

Расскажете всё подробно. Любопытно...

СЦЕНА 23. СТАНЦИЯ БЕЛЕНИХИНО ПОД БЕЛГОРОДОМ. ПУНКТ БОЛЬШЕВИЦКОГО КОНТРОЛЯ НА ГРАНИЦЕ.

Дойдя до пункта большевицкого контроля, ЛИДИЯ абсолютно преобразается: становится испуганной, озирающейся по сторонам девочкой. Она неловко ступает на высоченных каблуках, спотыкается и падает в небольшую лужу. Как бы случайно с головы слетает шляпка, и вот уже роскошным блестящим водопадом рассыпаются по плечам чёрные волосы. Она протягивает руки к красным пограничникам.

ЛИДИЯ (с беспомощной женственной улыбкой). *Благородные воины, спасите слабую женщину! Помогите выбраться из этой зловонной лужи!*

КОМАНДИР ПОГРАНИЧНИКОВ (посмотрев в сторону Лидии). *Да там и воды-то с гулькин нос. Вставай, дамочка.*

ЛИДИЯ (трагически). *Вы не можете быть столь безчеловечными!*

(Ощупывает ногу.)

Кажется, сломала ногу! Ужас! Я – танцовщица, я только ногами могу заработать себе на хлеб. На чёрствую корку хлеба!

Пограничники растерянно переглядываются. 1-й пограничник приставляет винтовку к стене будки, идёт к Лидии.

1-й ПОГРАНИЧНИК (приближаясь к Лидии). *Ну, что тут?*

ЛИДИЯ (1-му пограничнику). *Я вижу – у тебя открытое, простое, русское лицо! Только ты можешь помочь мне, бедной женщине! Такие артистки, как я, в лужах не валяются!*

1-й пограничник наклоняется над Лидией. Та обвивает рукам его шею. Пограничнику ничего не остаётся, как взять артистку на руки и нести на сухое место. Остальные пограничники с любопытством смотрят на эту сцену. Лидия вскрикивает и охает, как от боли.

ЛИДИЯ. *О, мой спаситель, очень осторожно поставь меня на землю. Если нога сломана, это конец всему! Я застрелюсь из твоей же винтовки.*

1-й ПОГРАНИЧНИК. *Успокойся, дамочка. Всё будет в сохранности...*

ЛИДИЯ. *Красный рыцарь, давай проверим: цела ли моя нога. Это – вопрос жизни и смерти!*

Лидия небрежно поднимает подол, оголяя ногу и вытягивая ее «пистолетиком» в направлении пограничника.

2-й ПОГРАНИЧНИК (наблюдая за этой сценой). *Во даёт девка!*

3-й ПОГРАНИЧНИК. *Оторва!*

ЛИДИЯ (1-му пограничнику). *Держи за каблук!*

1-й пограничник, как замороженный, выполняет её приказание. Выставив вперёд руки, Лидия начинает всем корпусом пружинно наклоняться к ступне, в разрезе платья виднеется грудь. Пограничник, нагнувшись, облизывает пересохшие губы. Внезапно Лидия закидывает вверх ногу и делает три круговых пропеллерных движения над головой 1-го пограничника. Остальные, вертя головами, замороженно смотрят за движениями её ноги.

3-й ПОГРАНИЧНИК. *Свезло Кирюхе!*

2-й ПОГРАНИЧНИК (1-му пограничнику). *Кирюха! Чего теряисси? Хоть область её!*

3-й ПОГРАНИЧНИК. *А не могёшь, так давай я подмогну!*

ЛИДИЯ (1-му пограничнику, не обращая внимания на выкрики). *Ты спас меня, красный рыцарь! Я буду жить, танцевать для вас, для моего народа!!!*

(Бросается на 1-го пограничника, расцеловывает его в обе щеки, оставляя следы помады. Затем поочередно целует остальных пограничников.)

Мои спасители! Бис! Бис! Bravo! Bravo!

Тем временем подходит вся ТРУППА, СОКОЛОВ и ВАРВАРА.

2-й ПОГРАНИЧНИК (обращаясь к 1-му Артисту). *Ну и дамочка! Эх, попалась бы она мне у нас в Букреевке, я бы её...*

2-й пограничник постукивает ладонью одной руки по кулаку другой. Лицо 1-го Артиста презрительно искривляется, но потом расплывается в натянутой улыбке.

СЦЕНА 24. НОВОЧЕРКАССК. ПЛАТОВСКИЙ ПРОСПЕКТ. ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР ПОЛКОВНИКА ДРОЗДОВСКОГО

ДРОЗДОВСКИЙ, ЛИХАЧЁВ, ГЛЕБ сидят в креслах, пьют чай из стаканов в серебряных подстаканниках и продолжают разговор.

Новочеркасск.

ДРОЗДОВСКИЙ. *Знать бы, что сейчас с Государем...*

ЛИХАЧЁВ. *Разное говорят...*

ГЛЕБ. *Думаю, он и Семья по-прежнему в Екатеринбурге.*

ДРОЗДОВСКИЙ. *Вот ведь, как сложилось: он в одном конце России, мы – в другом...*

ЛИХАЧЁВ. *Так что же, поручик, вы нашли заставу, которую выставил этот... как его?*

ГЛЕБ. *Заславский, господин полковник. Да, нашли.*

**СЦЕНА 25. ДОРОГА ИЗ ТОБОЛЬСКА НА ТЮМЕНЬ ОКОЛО СЕЛА ИЕВЛЕВО.
Полтора месяца назад.**

Дом в селе Иевлево (потом перенесён в село Ярково), где ночевали узники Яковлева на пути из Тобольска в Тюмень.

По обе стороны дороги замаскированы пулемёты, около них расхаживают солдаты отряда Заславского. На дороге стоит сам ЗАСЛАВСКИЙ. Рядом с ним – РЫЖИЙ и УСАТЫЙ. Все курят. Вдалеке появляются два всадника.

ЗАСЛАВСКИЙ. *Кого ещё чёрт несёт?*

Всадники приближаются, и видно, что это СОКОЛОВ и ГЛЕБ. Они останавливаются на приличном расстоянии от засады.

ЗАСЛАВСКИЙ (солдатам, стоящим рядом). *А ну-ка, ссадите этих молодцов. Кто их знает...*

Солдаты снимают винтовки. Рыжий напряжённо всматривается во всадников.

РЫЖИЙ (солдатам). *Не стреляй, братцы!*
(Заславскому.)

Товарищ Заславский, то ж наши офицера! Помните, я вам сказывал?

УСАТЫЙ (кричит всадникам, хлопая себя по ляжкам). *Ваши благородия, айда к нам!*

Соколов и Глеб не двигаются и не отвечают.

ЗАСЛАВСКИЙ (Усатому и Рыжему). *Едьте к ним. Чего они застыли?*

Усатый и Рыжий садятся в сёдла, скачут к Соколову и Глебу. Те какое-то время выжидают, потом разворачивают лошадей и медленно начинают удаляться.

ЗАСЛАВСКИЙ (солдатам). *Драпают! Доставить их ко мне!*

Многие солдаты вскакивают в сёдла и мчатся за гусарами. Впереди скачут Усатый и Рыжий.

РЫЖИЙ. *Стой, благородия! Постреляю!*

Глеб на скаку выхватывает браунинг, оборачивается и стреляет не целясь. Рыжий скатывается с седла, падает на землю.

УСАТЫЙ (оглядываясь на упавшего Рыжего). *Ух, чуды, убью, твою...*

Погоня не прекращается. На развилке Соколов продолжает скакать прямо на Тобольск, а Глеб сворачивает вправо (если смотреть в сторону Тобольска). Погоня разделяется на два рукава – прямо и вправо. Становится видна левая дорога: она пустынна и почти затоплена водой. Камера долго движется по этой дороге. Потом вдалеке появляются кошевы, везущие ГОСУДАРЯ, АСТРОНОМА и других.

СЦЕНА 26. СТАНЦИЯ БЕЛЕНИХИНО ПОД БЕЛГОРОДОМ. ПУНКТ БОЛЬШЕВИЦКОГО КОНТРОЛЯ НА ГРАНИЦЕ.

У пункта большевицкого контроля стоят ЛИДИЯ ДЖЕКсон, АРТИСТЫ ТРУПЫ, СОКОЛОВ, ВАРВАРА. 1-й АРТИСТ выходит из группы и обращается к пограничникам.

1-й АРТИСТ. *Дорогие наши товарищи красноармейцы, для вас мы подготовили небольшое представление! Спешите видеть! Только сегодня! И только сейчас! Только для вас! В первый и последний раз!*

1-й Артист вытаскивает из чемодана женский парик и юбку, надевает их на себя. АРТИСТКА передевается в мужской костюм, приклеивает усы, достаёт гитару. Артист начинает петь, очень смешно заводя глаза, прижимая руки к сердцу, подражая женской манере пения. Артистка аккомпанирует на гитаре, глядя на него влюбленным взглядом.

1-й АРТИСТ В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ:

*Не уходи! Побудь со мною!
Мне так отрадно! Так светло.
Я поцелуями покрою уста и очи, и чело!
Я поцелуями покрою уста и очи, и чело!¹*

Артистка отбрасывает гитару, кидается на поющего, жадно хватая его за все места.

АРТИСТКА В МУЖСКОМ КОСТЮМЕ. *Покрой! Покрой меня поцелуями! Всего, всего!*
(Залезает под юбку артиста и внезапно замирает).

Ты кто?

1-й АРТИСТ В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ (дрожащим голосом, заикаясь). *Я Керенский, п-п-председатель в-в-временного п-п-правительства.*

АРТИСТКА В МУЖСКОМ КОСТЮМЕ. *Ах, временного? Так пошёл вон!*

1-й Артист бежит на месте, указывая рукой в сторону немецкой территории.

¹ Романс Н.В. Зубова.

1-й АРТИСТ В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ. *Господа германцы! Вильгельмчик! Помогите! Краснопузые не щадят ни женщин, ни детей! Помогите! Они же звери! Вилли-и!*

ДРУГИЕ АРТИСТЫ (кричат хором). *Ату его! Ату!*

Пограничники рыдают от хохота. Тем временем Лидия вынимает из ридикюля пачку документов и выкладывает на проверку. Пограничники пересчитывают их, лениво просмотрев лишь несколько. Лидия смотрит на пограничников, но это уже другой взгляд – серьезный и насмешливый.

ЛИДИЯ (говорит не наигранным, а нормальным, «своим» голосом). *Все в порядке, товарищи?*

Командир пограничников кивает.

ЛИДИЯ (помахивая рукой). *Ну тогда, адью!*

Ворота открываются. Первой проходит Лидия, за ней следуют Соколов, Варвара и пятеро артистов. Трое остаются на советской территории. Соколов и Варвара направляются к пассажирам, которые сидят у дороги, перекладывая багаж после досмотра. Спокойно садятся рядом, вынимают бутерброды, жуют их. Оставшиеся на пункте артисты продолжают выступление, отвлекая внимание пограничников. Из чемодана появляются военные каски – немецкая и австрийская, а также турецкая феска. АРТИСТ-НЕМЕЦ берёт балалайку, АРТИСТ-АВСТРИЕЦ – барабан, АРТИСТ-ТУРОК – зурну.

Открытка времён Великой войны.

ТРИ АРТИСТА (поют, аккомпанируя сами себе).

*Магомедка, Франц и Вилли
Всей кампанией решили,
Что у них делишки – швах
И настал их фирме крах.
Чтоб не чувствовать печали,
Напоследок загуляли,
Будто совести лишились,
Во все тяжкие пустились.*

*Вилли песенки играет,
Свою шайку забавляет,
Даже Франсик стал вдруг бравым,
В настроении кудрявом,
От немецкого, знать, пива
Расплясался всем на диво.
Только турок лишь не весел,
И на квинту нос повесил.
Этак жалостно вздыхает,
О гареме вспоминает.
Вообще же нет причины
Для особенной кручины:
Эти хитрые пройдохи,
Растерявши свои крохи,
Место теплое найдут –
К русским в подданство пойдут.*

Пограничники восторженно аплодируют. Артисты засовывают свои инструменты в чемоданы и проходят через пропускной пункт.

3-й ПОГРАНИЧНИК (считая проходящих). *Девять... Десять... Одиннадцать...*
(Обращается к командиру.)

Их одиннадцать, а документов было, кажись, девять.

КОМАНДИР ПОГРАНИЧНИКОВ (кричит). *Вся группа назад!*

Артисты во главе с Лидией дружной толпой возвращаются. Соколов и Варвара остаются сидеть у дороги, спокойно жуя бутерброды. Артистов опять пересчитывают.

1-й ПОГРАНИЧНИК (командиру). *Нормально – девять.*

АРТИСТ-АВСТРИЕЦ (3-му пограничнику). *Ничего, товарищ, вот отвоюешь и пойдешь в школу, там научишься не то что до десяти, а и до ста считать.*

АРТИСТ-НЕМЕЦ. *При помещиках только землю пахал, а при советской власти ещё профессором станешь.*

КОМАНДИР ПОГРАНИЧНИКОВ (улыбаясь артистам). *Извиняюсь, заминочка вышла. Доброго пути!*

Артисты переходят на нейтральную полосу, минуют Соколова и Варвару, делая вид, что не замечают их. Через какое-то время Соколов и Варвара, смешавшись со следующей группой людей, прошедших пограничный пост, догоняют артистов. Артисты счастливы, как дети.

АРТИСТКА. *Сие представление я буду помнить до последнего вздоха.*

1-й АРТИСТ (смеясь). *О, это был мой звёздный час!*

АРТИСТ-ТУРОК. *Друзья! Коллеги! Не забывайте о нашей Лидии. Сегодня она была безподобна!*

АРТИСТ-АВСТРИЕЦ. *Ермолова и Дузе умерли бы от зависти.*

АРТИСТ-НЕМЕЦ. *Ну что же, други! Грядёт второй акт! Гастроль продолжится на германской стороне!*

1-й АРТИСТ. *У меня еще есть пара реприз, специально для наших немецких зрителей!*

ЛИДИЯ. *Итак, идем на бис!*

СОКОЛОВ (актёрам). *Благодарю вас, друзья, от всей души! Однако в повторном спектакле нет никакой необходимости: не думаю, что немцы будут чинить препятствия офицеру царской армии. К тому же, у немцев орндунг, они – не красные, умеют считать и до одиннадцати.*

1-й АРТИСТ. *Э-эх... испортил песню... дурак!*

АРТИСТКА. *Оленя ранили стрелой!*

ЛИДИЯ (артистам). *Что ж, господа, гастроль отменяется. На бис мы выйдем только в Харькове.*

(Отводит Соколова в сторону.)

Ну, прощай, красавец. Береги невесту. А может, ещё и встретимся, Бог даст...

СОКОЛОВ. *Где же мы встретимся?*

ЛИДИЯ. *Не знаю... Может, в Харькове, а может, в Венеции...*

СОКОЛОВ. *Почему именно там?*

ЛИДИЯ. *А я ещё и гадалка, красавец. Вот нагадаю – и встретимся.*

Соколов целует руку Лидии и отходит.

КОНЕЦ ПЯТОЙ СЕРИИ